

КОГДА УХОДИТ ЧЕЛОВЕК НА ПЕНСИЮ...

Легко ли быть старым?

Определение «старый» Александру Викторовичу никаким боком: крепкий, бодрый, легкий на подъем, на лице — молодой румянец. «В жизни не курил, спиртным не баловался, — признается он, — никакой работы не боюсь — хоть в огороде, хоть на заводе». Без малого сорок лет безупречно трудится Александр Викторович в электрохозяйстве одного из прокатных цехов комбината. До звания ветерана труда дослужился. Уважают его в коллективе как высококлассного специалиста. А кое-кто и побаивается его острого язычка: не согласен старожил быть молчаливым созерцателем, когда видит неполадки или открыто наплеватьское отношение к цеховому добру.

К нам в редакцию Александра Викторовича привела, как он сам выражается, вопиющая несправедливость. Надо же было такому случиться, что на закате трудовой деятельности «заработал» он строгий выговор с лишением 50 процентов премии. Сам он оценивает все происшедшее как «синдром пенсионного возраста». Еще в августе мастер подразделения намекнул: пора-де, Викторович, на заслуженный отдых отправляться. Особого значения тому мимолетному разговору Александр Викторович не придал. Но сегодня, увязав воедино те намеки начальства и дальнейшие события, осознал: разговор-то был нешуточный.

Недавно в самый разгар смены разболелся у Александра Викторовича зуб, да так, что искры из глаз. К концу смены бригадир сжалился: «Не мучился бы, пошел в здравпункт». В здравпункте посочувствовали, но ничем не смогли помочь — это дело стоматологов.

— Созвонились девчата с врачом первой поликлиники: окажите помощь, — рассказывает о своих злоключениях Александр Викторович. — За полчаса до окончания смены написал увольнительную, отдал ее бригадирю. А после выходных — бах, распоряжение: такому-то, мне, значит, за самовольный уход с работы — строгий выговор с лишением 50 процентов премии. Пошел я за разъяснением к цеховому начальству. Обидно все-таки: после столько лет безупречной работы — и такое. А мне прямо в лоб: не пора ли вообще на отдых?

Я ничего против этого не имею — от старости никто не уйдет. Но зачем же так не по-людски прощаться?

Исповедь невозвращенца

Осень: желтые листья, хмурое небо и свинцовые тучи. Все — как и в прошлом году. С одной лишь существенной для меня разницей: я больше не работаю на комбинате. Я больше вообще нигде не работаю — пенсия, брат. Иногда встречаюсь со своими цеховыми, тоже имеющими за плечами солидный багаж прожитых и отработанных лет, но еще оставшимися ТАМ, и вновь слышу тот же вопрос, который не так давно мучил и меня: «Говорят, до нового года на комбинате не должно остаться ни одного «шестидесятника». Как думаешь, правда?» Памятя собственным опытом, отвечаю однозначно: все может быть.

Прошлой осенью сам пережил все «преlestи» высвобождения. Я так понимаю, когда человек действительно лишней, часто болеет или в силу возраста не выполняет свои служебные и производственные обязанности, то это объяснить и понять можно. Но если «шестидесятник» еще в силе, у него твердая рука и острый глаз, а профессионализм позволяет работать практически на любом участке цеха — он еще очень даже может пригодиться производству. Кому в цехе плохо, если есть под рукой мастер на все руки? И как обидно ветерану, отдавшему производству 35 лет, когда от него просто избавляются, как от отработанного материала. Думается, этот щепетильный вопрос — работать или не работать пенсионеру, нужно решать цивилизованными методами, с учетом всех нравственных и психологических методов. А не решать его с кондачка, объявив недели за две до увольнения: «Ты здесь больше не нужен».

Задумывается ли кто-либо, что при этом испытывает изгоняемый «шестидесятник»? Попытаюсь объяснить эти чувства. Сначала чувствуешь обиду, потом злость и снова обиду: столько лет был нужен и вдруг в одночасье стал изгоем на родном предприятии.

Как работает без меня мой родной цех? Думается, душа об этом не болит? Еще как болит! И о нас, стариках, вспоминают, когда в цехе начинаются аварии или случаются аварии. Некоторые из моих товарищей по первому же зову возвращаются на месячок-другой для ликвидации проблемы. Но вскоре их снова выпроваживают. А я вот таким возвращенцем быть не хочу, хотя и меня зовут, когда припекает. Но не потому, что разлюбил «ту заводскую проходную». А потому, что меня крепко обидели. Я ведь прошлой осенью и сам ушел бы по доброй воле, если бы почувствовал, что кто-то молодой и более способный дышит мне в затылок. Не было этого. Поверьте, с уходом каждого «старика» в цехах обрывается брешь. Да, мы должны уступать место молодым. Но в заботе о деле стоит давать возможность «зубрам» подготовить себе достойную смену. Я ушел, так и не передав никому своего опыта, знаний. Но кто пришел вместо меня? И пришел ли вообще. Больно, обидно. И не только за себя — за родной цех, за дело, которому верой и правдой служил многие годы.

С уважением — В.П.

Когда уходит человек на пенсию,
Его не очень с этим поздравляют,
Ведь он закончил трудовую миссию,
Его как бы от жизни отстраняют.
Но жизнь, она упорно продолжается,
Ее не затеняет лет завеса.
А человек никак не соглашается
Дни коротать под сенью райсобеса...

Три стороны одной медали

Еще десяток лет назад проблемы пенсионеров ни на нашем, ни на каком другом предприятии попросту не существовало. По сей день вспоминают мартовцы имена подручных, которые и до 67 лет продолжали плодотворно трудиться. На заслуженный отдых уходили с чувством исполненного долга и гордости — принимая эстафету, молодой металлург, мы свою трудовую лепту внесли. Более того, далеко не каждый соглашался отработать дополнительно год, чтобы увеличить свой пенсионный «паек». Размер пенсии, дифференцированный трудовыми заслугами, позволял жить безбедно, достойно да еще и детям-внукам помогать материально.

Ныне все изменилось. Из социального блага пенсия превратилась в приговор: до черты бедности рукой подать, и на поистрепавшийся в результате государственных неурядиц личный кошелек, в котором и на черный-то день не наскребешь, надежды никакой. Выход один — продолжать работать. Всяк, глаза имеющий, не мог не заметить, как в последнее десятилетие «помолодели» вдруг ветераны — не хочется, чтобы списывали с производства. А главное, им претит оказаться в роли иждивенцев — не приемлют наши старики такого образа жизни. Не так воспитаны. Они хотят быть сильными, самостоятельными, чтобы, опять же, внукам и детям помогать. Кто решится осудить их за это?

О проблеме выдворения пенсионеров по старости с предприятий нынче говорить не принято. Вроде как и не существует такой проблемы вовсе. А она есть. Сегодня на комбинате уже более 1300 (а если точнее, 1316 — на 22 сентября) человек подошли к пенсионному возрасту. И столько людей в один голос вопрошают: что будет с нами дальше? От этого вопроса уже не отмахнуться.

Справедливости ради стоит сказать, что администрация комбината всеми возможными способами старается поддержать «шестидесятников». При выходе на пенсию те получают весомую материальную поддержку, а тем, кто сегодня действительно незаменим, предлагают еще какое-то время поработать в родном цехе на договоре. По понятным причинам, далеко не каждому удается таким образом продлить свой трудовой век: казна предприятия не бездонна.

Понятна обида и боль тех ветеранов, кто оказался вне предприятия. Но с обстоятельствами не поспоришь. Они же нынче таковы, что, не займись уже сейчас администрация омоложением кадров, персонал может состариться настолько, что еще через год-другой восстановить возрастной баланс будет чрезвычайно сложно. Каждый год перед воротами комбината выстраивается очередь почти из 800 выпускников училищ, техникумов и институтов. Кадровикам приходится ломать голову над тем, куда бы пристроить эту рабочую армию. И рады бы цеховики принять новобранцев, но, увы, они ограничены жесткими рамками штатного расписания. Некоторые руководители подразделений признаются, что им

и самим больно отпускать с производства опытных работников: молодые кадры лишь добавляют проблем. Да и сводки отдела техники безопасности представляют отнюдь не радостную картину: большинство производственных травм приходится как раз на новичков. Но и оставаться один на один с проблемой старения коллектива — незавидный удел. Тем более, что такой горький опыт на комбинате уже имеется. Когда лет пять назад четвертый листопрокатный цех оказался в полной неопределенности, а приток молодых рабочих туда прекратился, в считанные годы средний возраст работников цеха подскочил до 44 лет. В то время как в целом по предприятию возрастная планка не поднималась выше отметки в 38 лет. Еще года два — и процесс старения коллектива ЛПЦ-4 стал бы необратимым: хохом запустить в цех несколько десятков начинающих работников, совершенно не подготовленных, не имеющих ни практики, ни опыта работы, недопустимо. К счастью, кадровики вовремя спохватились. Но сегодня серьезные опасения у них вызывает старение коллективов электрослужбы ЛПЦ №5, ЦЭТЛ, управления главного механика... Безусловно, руководителям спокойнее, когда в их подчинении работают опытные производственники, стажисты. Но жизнь не стоит на месте, а производство требует именно постепенного обновления кадров. Те, кто не один десяток лет проработал в цехе, знакомы с этой проблемой не понаслышке. И вряд ли кому-то из ветеранов придет в голову протестовать против омоложения коллектива. Но когда кто-то решается грубо, бесцеремонно провести черту между молодыми — сегодняшними, и пожилыми — вчерашними, ничего доброго от этого не жди. «Имею право!» — категоричен ветеран. И он, действительно, имеет право быть востребованным, зарабатывать кусок хлеба для себя и своей семьи. Ни государственные законы, ни тем более законы морали не могут запретить человеку хотеть жить, дышать, работать. И очень важно именно на этом жизненном переломе не обидеть, не оттолкнуть «шестидесятника». Но, как свидетельствуют стажисты, окончание их трудовой биографии сегодня зачастую сопряжено с унижением, когда за «ловлей блох» уже не видно ни прежних заслуг, ни человеческих добродетелей. Только вчера чувствовали юбилея: дарили подарки, говорили слова признательности, а через месяц-другой — ату его.

Какой выход, спросите? Не знаю. Но думаю, что ответ на этот вопрос нужно искать каждому внутри себя. Важно, чтобы достало человечности руководителю, когда он принимает судьбоносное для кого-то решение. А мудрости — пенсионеру, когда раздумывает он, как распорядиться своей дальнейшей судьбой, чтобы не оказаться в положении обиженного. Один мой знакомый на вопрос, часто ли его обижали в жизни, ответил так: «Для того, чтобы меня обидеть, в первую очередь должен я сам обидеться». Пожалуйста, не позволяйте себе обижаться.

Т. ТРУШНИКОВА.

Не потерять бы рынок

Как сообщает «Коммерсантъ», с 1 октября экспорт стали из России в США полностью прекращен. Все предприятия, производящие стальной прокат, могут вывозить его в Америку лишь в том случае, если имеют соответствующую лицензию Министерства торговли. Однако пока ни один металлургический завод такого документа не получил.

Год назад сталелитейные компании США решили вытеснить с американского рынка дешевую стальную продукцию из России, Японии и Бразилии. Правительством было инициировано антидемпинговое расследование. Основные российские экспортеры — Новолипецкий, Магнитогорский и Череповецкий металлургические комбинаты — с ужасом ожидали, что в США введут заградительные пошлины и от экспорта в эту страну придется отказаться.

Однако после переговоров на уровне руководителей торговых ведомств России и США в конце февраля американская сторона согласилась заменить введение заградительных пошлин экспортными квотами. В июле межправительственные документы, ограничивающие экспорт стали из России, были, наконец подписаны. Они предусматривают полный запрет на ввоз в США в течение этого года российского горячекатаного и механизированного проката, рельсов, жести и некоторых других видов продукции. Без ограничения можно поставлять инструментальную сталь и холоднокатаные проволочные изделия. Поставки остальной продукции, выпускаемой российскими металлургами, были жестко лимитированы. В результате экспорт российской стали в США сократился на 70 процентов.

Теперь он может прекратиться совсем. Подписанные межправительственные соглашения предусматривают новый порядок оформления документов на ввоз стали в США. С 1 октября экспортировать в Америку металлоизделия, поставки которых лимитированы, могут только заводы, имеющие специальную лицензию российского Минторга (прием документов, необходимых для ее оформления, министерство начало в середине августа). До сих пор, как сообщает газета, такой лицензии нет ни у одного металлургического предприятия России.

«Коммерсантъ»: «Как утверждают в министерстве, никто из производителей даже не озаботился тем, чтобы собрать необходимые бумаги и в срок передать их в Минторг. Впрочем, у Международной ассоциации; представляющей интересы ряда российских предприятий черной металлургии, — совсем другие данные». Там корреспонденту газеты «Ъ» заявили, что заинтересованные в экспорте производители еще до начала сентября передали все необходимые для получения лицензии документы в министерство, где они, по-видимому, и «зависли». На днях союз неправительственных экономистов и торговли письма с просьбой разобраться в ситуации. Ответов пока нет.

Металлургические предприятия попали в патовую ситуацию. По заключенным с американскими компаниями контрактам они должны поставить им металл — никаких прецедентов для этого нет. Но без лицензии металлурги не могут вывезти свою продукцию из России в США. Сейчас представители заводов осаждают Минторг, требуя положенные лицензии. Ведь если в ближайшее время заводы их не получат, из-за невыполнения контрактных обязательств российские металлурги могут окончательно потерять американский рынок.

